

ЛОЛИТА МИГЕЛЬМАН

СЕВЕР, КОТОРЫЙ ПОМНИТ

Лолита Мигельман

Север, который помнит

<https://litres.ru/74545554>

SelfPub; 2026

Аннотация

За Полярным кругом стоит Северная академия — закрытый мир, где способности студентов измеряют цифрой, эмоции превращают в данные, а за каждым отклонением следует пристальное наблюдение. Алиса Воронова привыкла замечать то, чего не видят другие: чужие привычки, мелкие перемены, несостыковки, которые со временем складываются в тревожную картину. Практика в архиве сводит её с Дмитрием Волковым — человеком с холодной сдержанностью и мелким злым росчерком в подписи, — и она ещё не знает, что его прошлое связано с академией теснее, чем кажется, а собственная тайна, которую он хранит годами, однажды коснётся и её напрямую.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лолита Мигельман

Север, который помнит

ПРОЛОГ

Февраль 2021 года

Угол флешки упрямо, с какой-то даже назойливостью, впивался ему в рёбра. Позапрошлой ночью Дмитрий зашил её в подкладку куртки, а иглу для этого выпросил у соседа по комнате под честное слово, что у него и вправду оторвалась пуговица. Ложь была ничтожная, пустяковая, но почему-то запомнилась ему крепче, чем следовало бы. За двое суток он успел изучить каждое движение флешки под тканью и знал наперёд, когда именно она о себе напомнит. Пока он держал спину прямо, её словно и не было, но стоило ему хоть чуть-чуть ссутулиться, как острый угол тотчас упирался слева, под самые рёбра. Всего проще было бы прижать это место ладонью; но именно этого и нельзя было делать, ибо человек, который беспрестанно трогает одно и то же место на своей одежде, рано или поздно непременно возбуждает вопросы.

Пурга мела уже третьи сутки, не утихая ни на час, и по внутреннему радио время от времени раздавался усталый женский голос: проезд по автодорогам района закрыт, в го-

родских школах объявлена актировка, выходить на открытые участки территории без крайней необходимости запрещается.

К шести часам вечера переходная труба совершенно опустела, и Дмитрий шёл по ней один. Окно с наветренной стороны занесло снегом до половины, а выше, за стеклом, снег летел вбок сплошной серой рябью, и фонари во дворе плавали в этой ряби мутными жёлтыми пятнами. Из щелей между рамами тянуло холодом, и по резиновой дорожке ползли тонкие змейки позёмки: ветер ухитрялся загонять снег даже сюда, под крышу.

Стул вахтёра стоял отодвинутым, а на столе лежал наполовину разгаданный сканворд, перечёркнутый брошенной поперёк ручкой. В шесть часов вахтёр уходил пить чай в дежурку клинического крыла и возвращался не раньше четверти седьмого. Камера под потолком глядела на турникет в дальнем конце перехода, так что середина его оставалась вне обзора; на КПП в это же самое время менялась смена. Всё это Дмитрий проверял две недели кряду, каждый вечер почти в один и тот же час, и проверял, надобно заметить, безо всякой лихорадки, даже как-то буднично. Он попросту собирал привычки этого места, так же как некогда собирал чужие показатели, то есть спокойно, не торопясь и запоминая именно то, что другим казалось сущей мелочью, не стоящей ни малейшего внимания.

Он шёл ровно, не прибавляя и не убавляя шагу, и пере-

считывал про себя знакомые минуты — просто, чтобы хоть чем-то занять голову.

Навстречу ему из клинического крыла вышли двое лаборантов, в халатах, накинутых поверх свитеров, и с одинаково помятыми лицами. Дмитрий почувствовал их прежде, чем услышал шаги: от одного тянуло скукой, от другого — мелким, въедливым раздражением. Ещё прошлой зимой чужие чувства наваливались на него всей своей тяжестью, так что после встречи с двумя людьми в узком коридоре ему хотелось сесть прямо на пол и переждать. Теперь же они лежались поверх его собственного состояния лишь тонким прозрачным слоем и глубже не проникали. Техниккой «якорь», которой учили в первую же неделю в академии, он держался вот уже три года, но только этой осенью вдруг ощутил внутри опору, и ощутил почти физически. С осени же он спал по шесть часов и просыпался свежим, почти не болел и чувствовал людей ярче, точнее и дальше, чем когда-либо прежде.

Лаборанты прошли мимо, даже не взглянув на него. Им решительно ни до кого не было дела, и сегодня это было как нельзя более кстати: то, что знал Дмитрий, лежало у него под рёбрами, лежало в самом буквальном смысле, зашитое в подкладку.

Посередине трубы, у третьей от входа секции стекла, он всё-таки замедлил шаг, хотя ещё утром дал себе слово этого не делать. Неделью назад здесь ждала его Катя. После ночных замеров она сидела на трубе отопления под окном, под-

ложив под себя его шарф: своего у неё с собой не оказалось, а батарея жгла даже сквозь джинсы. Веснушки, которые летом покрывали ей лицо до самых ушей, к февралю бледнели почти до невидимости. Обыкновенно она начинала говорить ещё издали, на ходу, перескакивая с одного на другое и сама себя перебивая, но в тот вечер отчего-то молчала. Потом повернулась к стеклу и дышала на него до тех пор, пока в морозном узоре не протаяло мутное пятно величиною с ладонь, поставила пальцем две точки и медленно провела между ними линию.

— *Вот так я тебя раньше видела,* — сказала она, не оборачиваясь. — *От тебя ко мне шло вот такое толстое, рыжее, как верёвка у колодца. Я на лекциях щурилась, чтобы оно не лезло в конспект. Ты ещё смеялся, что я на тебя пялюсь, а я пялилась не на тебя, а на неё.* — Она помолчала, глядя на две точки. — *А теперь смотрю и вижу просто тебя: нос, уши, дурацкую шапку. Ты не обижайся, ты и так ничего. Но её больше нет, Дим. Не то чтобы стала тоньше — нет совсем. Понимаешь? Как будто я её сама придумала.*

Пока она говорила, линия на стекле понемногу затягивалась инеем: сперва по краям проросли тонкие белые ворсинки, потом пропала середина, потом одна из точек, и не прошло и полуминуты, как стекло сделалось точно таким, каким было прежде. Катя следила за этим с тем же любопытством, с каким на семинарах разглядывала чужие графики, и, странное дело, в лице её не было ни испуга, ни печали. Потом она

слезла с батареи, отдала ему шарф и сказала, что опаздывает на отбой. Дмитрий ответил ей тогда что-то про февраль: что в феврале у связевых всё тускнеет, что это явление сезонное и к марту непременно пройдёт. Ответил, хотя графики к тому времени уже видел.

Теперь на месте того пятна лежал ровный серый пласт снега. Дмитрий прошёл мимо.

Графики появились раньше, чем он понял, что с ними не так. Третий семестр он подрабатывал в клиническом корпусе на ночных замерах: снимал показания, менял ленты в регистраторах, переносил в журнал то, что аппараты записывали сами. Работа была скучнейшая, платили за неё баллами к стипендии, зато к ней полагался ключ от архива, куда после смены относили заполненные журналы. Управиться там можно было за пять минут; а можно было задержаться и на час, и никто не спрашивал, чем студент занят среди стеллажей, лишь бы журналы в конце концов стояли на своих местах. Сначала он листал старые записи просто так, от нечего делать; потом стал переписывать отдельные значения; потом принялся выписывать в черновик парные графики, где одна линия ползла вверх, а другая в те же самые дни опускалась. Он решил, что ошибся сам, и две ночи подряд пересчитывал показатели на калькуляторе, сверял даты, заново сопоставлял коды, почти желая отыскать у себя ошибку, потому что ошибка, как это ни покажется странным, была бы для него облегчением.

Ошибка не находилась.

Линии вели себя как две чаши одних весов: чем выше поднималась одна, тем ниже опускалась другая, и так день за днём, с поправкою лишь на выходные, когда замеров не было. Дмитрий изучал это с каким-то непонятным упорством, от которого и сам уже начинал уставать. Он полез в закрытый регламент о порядке ведения наблюдений и искал там любое объяснение, какое угодно, лишь бы не то, которое уже пришло ему в голову. Нужно слово нашлось всего один раз, в перечне служебных процедур, без всякой расшифровки и без ссылки на какой-либо другой документ.

Перекачка.

Он выписал его и подчеркнул дважды: ему всё казалось, что однажды утром он проснётся и решит, будто всё это ему приснилось, и тогда хоть эта черта на бумаге уличит его в малодушии. Но в тех же списках, в правой колонке, там, где линия росла, стоял его собственный шестизначный код, а в левой, где линия падала, стоял код Кати Морозовой. Вот тогда-то он впервые и перестал считать всё это странностью в отчётности.

Бумага, которой он вовсе не искал, нашлась неделей позже, в папке с паспортами на новое оборудование. Прошлой осенью в ночную лабораторию завезли парные регистраторы, серые ящики с двумя комплектами датчиков на один прибор, и к паспорту каждого, как и полагается, была приколота копия платёжного поручения. Плательщиком значился фонд

«Арктическое партнёрство», и в верхнем углу бланка стоял его знак: звезда о четырёх лучах, у которой нижний луч был вдвое длиннее остальных, точь-в-точь как у той звезды, по которой когда-то искали север. В графе «назначение платежа», после положенных слов о поставке оборудования для научных исследований, кто-то, должно быть по небрежности, оставил строку, скопированную откуда-то без перевода:

Parity Initiative — grant tranche 3/4.

Слово parity он помнил из школьной физики, где оно означало чётность, и ещё из какой-то статьи о разоружении, где оно означало равенство сил; но ни одно из этих значений не объясняло, что оно делает в платёжке за оборудование их лаборатории. Он переписал строку в черновик печатными буквами вместе с номером поручения и датой, поставил на полях вопросительный знак и тут же его зачеркнул: вопросов у него хватало и без того.

Нужные страницы он фотографировал на телефон и сбрасывал снимки на флешку; туда же шло и то, что по работе открывалось ему на компьютере, так что к концу января на ней было уже всё.

Впрочем, не всё помещалось в телефон. Девятнадцать листов, то есть протоколы тех самых процедур, что в перечне обозначались, одним словом, без расшифровки, да ещё переписку по поставке регистраторов, он снял на ксероксе у регистратуры в ночь на тридцатое января. Аппарат грелся и на сороковом листе запах жжёным, так что пришлось минут

пять сидеть в тёмном коридоре и ждать, вслушиваясь в тишину. Выносить бумагу он не решился: на досмотре бумага хуже флешки, её видно. Он вложил листы в папку с паспортами на оборудование, между паспортом парного регистратора и приколотой к нему платёжкой, в тот самый угол архива, куда за полтора года не заглядывал никто, кроме него. Если он выберется, то вернётся за ними; если же нет, пусть лежат там, где их никто не станет искать.

В понедельник Катя не пришла на пары, а во вторник Дмитрий узнал, что её положили в клинический корпус под наблюдение. В ту же ночь на её графике появился обрыв, и это был уже не зимний спуск, к которому он успел как-то привыкнуть, а провал, случившийся за одни сутки. Он несколько раз перепроверил дату. Ошибки не было.

Окно Кати было на втором этаже, четвёртое от угла, с жёлтой шторой. Он видел его каждый вечер по дороге на смену и каждый раз обещал себе зайти, но зайти не иначе как тогда, когда будет что сказать, кроме этого, жалкого «держишь». Теперь сказать было что, но только не ей и не здесь. Рассказать о найденном внутри академии было решительно некому, потому что под половиной листов в архиве стояли подписи людей, с которыми он завтракал в одной столовой. Дмитрий слишком хорошо знал, как устроена академия: бумаги могли годами лежать себе спокойно, но человек, хоть однажды задавший не тот вопрос, недолго оставался незамеченным.

Оставался только выход наружу.

Он вспомнил о женщине из городского сетевого издания, о той самой, что в прошлом году писала о разливе солярки в реку и которую после этого полгода пытались засудить, да так и не засудили. Сосед по комнате, родом из Талнаха, как-то обмолвился, что она не из пугливых. Прямой связи с нею у Дмитрия не было, но он знал, где находится редакция и где она живёт. Примет ли она данные, он не знал; поверит ли, тоже не знал. Но если он был прав, то оставить всё в архиве значило только одно: рано или поздно бумаги исчезнут, а вместе с ними исчезнет и он.

Дорогу до города Дмитрий расписал по этапам. Сперва КПП с допуском на метеоплощадку, где ассистенты ночных замеров снимали показания магнитометра: двести метров за ограждением, и на выходе у него ни разу не спрашивали ничего, кроме пропуска. От площадки до трассы было с полкилометра по ложбине, где ветер сдувал снег до самого наста, а дальше семь километров по трассе до поста дорожников на развилке: в пургу там ночевали грейдеры и первыми уходили в город, когда едва позволяла погода. Дорожникам было всё равно, кто сидит у них в балке и пьёт чай, лишь бы не мешал. Под свитер он сунул папку с журнальными записями, рассудив, что если на выходе станут искать, то пусть уж найдут бумагу.

В такую погоду браслет терял сеть: вышка на сопке обмерзала, данные копились в памяти и уходили разом, целой

пачкой, как только связь восстанавливалась. Сколько пройдёт времени, прежде чем кто-нибудь взглянет на эту пачку, он не знал и надеялся часов на пять.

Дойти до города пешком в такую пургу было почти невозможно. Он знал и это, но думать об этом себе не позволял, точно так же как не позволял думать и о том, что сделается с ним самим, если данные подтвердятся. План был дурной, но другого не было.

Страх держал его крепко, однако ещё крепче держала одна мысль: если он выберется и передаст данные человеку за оградой, у Кати появится шанс. Может быть, хоть кто-нибудь наконец спросит, что с ней происходило и почему её линия шла именно так, а не иначе. Можно ли что-нибудь исправить, он не знал; но оставить всё как есть он больше не мог.

Дверь в конце трубы выпустила его во двор, и ветер ударил в лицо так, что на секунду нечем стало дышать. Снегу было по колено; под ним угадывалась дорожка, которую утром расчистили, а к вечеру опять занесло. Дмитрий шёл, наклонившись вперёд, как идут против течения, и шагов через тридцать понял, что ему холодно. Снаружи было тридцать восемь ниже нуля с ветром, и холодно было бы всякому; но этот холод шёл изнутри, из самой середины груди, где с осени неизменно держалось тепло.

Следом пришёл шум. Справа, в котельной, кто-то злился на заклинившую задвижку, и злость эта ткнулась ему в висок; из окна жилого корпуса за спиной потянуло чьей-то тос-

кой. Потом ещё чем-то. И ещё. Всё разом, без очереди и без разбора. Он остановился, пытаясь нащупать опору, и якорь, державший его столько месяцев, пополз. Дмитрий вцепился в холод в пальцах, в скрип снега под подошвами, в острый угол флешки под рёбрами, и этого хватило на несколько шагов.

КПП вынырнул из белой мути сразу и целиком: стеклянная будка на бетонном основании, турникет, шлагбаум для машин и дежурная лампа в проволочной сетке, заливавшая всё кругом жёлтым светом. Внутри было двое. Молодой охранник, щуплый, в бушлате не по росту, стоял у турникета и дул на руки. Старший, грузный, с густыми тёмными бровями, сидел за столом над журналом смены и на Дмитрия даже не посмотрел; над головой у него, на вбитом в стену гвозде, висела связка ключей. Пониже, на крючке, висел термос в клетчатом чехле, а на столе, поперёк раскрытого журнала, лежала газета, сложенная на странице со сканвордом: половина клеток была заполнена печатными буквами, и ручка лежала поперёк, будто её бросили на полуслове. Дмитрий остановился перед турникетом, и молодой наконец поднял голову.

— Куда в такую погоду? — спросил он без особого интереса, скорее из вежливости.

Дмитрий показал пропуск и объяснил про магнитометр: в пургу показания снимают каждые два часа, и стоит пропустить хотя бы одно измерение, как вся ночная серия пойдёт

в брак. Молодой посмотрел на пропуск, потом на Дмитрия, потом опять на пропуск.

— Расстегнитесь, пожалуйста, сегодня всех смотрим. Распоряжение с обеда пришло. Всего на минуту.

«С обеда».

Дмитрий кивнул так, как кивают, когда при них заговаривают о погоде. Ещё вчера через этот турникет его пропустили бы, едва взглянув на пропуск. Но распоряжение пришло с обеда, и спорить было бессмысленно: всякая заминка привлекла бы больше внимания, чем самый досмотр. И тут он вспомнил прошлую ночь: когда он относил журналы в архив, закладка в журнале доступа лежала не на той странице, где он её оставил. Он минут пять простоял тогда над раскрытой книгой, перебирая в памяти каждое своё движение, и наконец решил, что сам задел её рукавом. Начало месяца, плановая проверка, и, может быть, ничего более. А может быть, кто-то уже тогда начал присматриваться к его маршрутам.

Дмитрий расстегнул молнию; пальцы от холода слушались плохо. Молодой проворно прошёлся ладонями по карманам, нащупал под свитером что-то твёрдое и вытащил папку.

— Это что?

— Записи по ночным замерам.

Охранник раскрыл папку. Формулы, даты, показания приборов, таблицы, начерченные от руки, — он листал всё это без малейшего интереса и уже собирался закрыть, как вдруг Дмитрий, сам того не заметив, прижал левую ладонь к боку.

Охранник остановился, и Дмитрий тотчас понял свою ошибку. Страх ударил из него самого, и так резко, что он почти услышал его; а поверх этого страха тут же легло чужое: настороженность охранника, ещё секунду назад сонная, сделалась плотной и собранной. Дмитрий заставил себя убраться руку.

В ту же самую секунду над турникетом сухо хлопнула лампа и погасла. Будка провалилась в полутьму, и остался только свет настольной лампы. Молодой машинально присел и выругался:

— Опять! Третья за зиму. Говорил же им: мороз стекло рвёт.

Дмитрий не шевельнулся. Досмотр, папка в чужих руках, флешка под подкладкой, страх, который держать становилось всё труднее, — всего этого было слишком много сразу, и всё это навалилось на него в одно мгновение. Хотелось отступить хоть на шаг, но всякое резкое движение выглядело бы сейчас хуже самого досмотра. Старший медленно поднялся из-за стола, стряхнул с плеча осколки и посмотрел на Дмитрия. Тот стоял у турникета, держа руки свободно и не касаясь куртки. Старший снял с гвоздя связку ключей, взвесил её на ладони и кивнул на внутреннюю дверь.

— Пройдёте в тепло, молодой человек. Чего на ветру-то стоять?

Дмитрий не сразу понял, что ему предлагают: продолжить разговор внутри или переждать, куда заменят лампу. Спо-

рить он не стал. Стоять перед этим человеком на открытом месте было теперь опаснее, чем войти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.